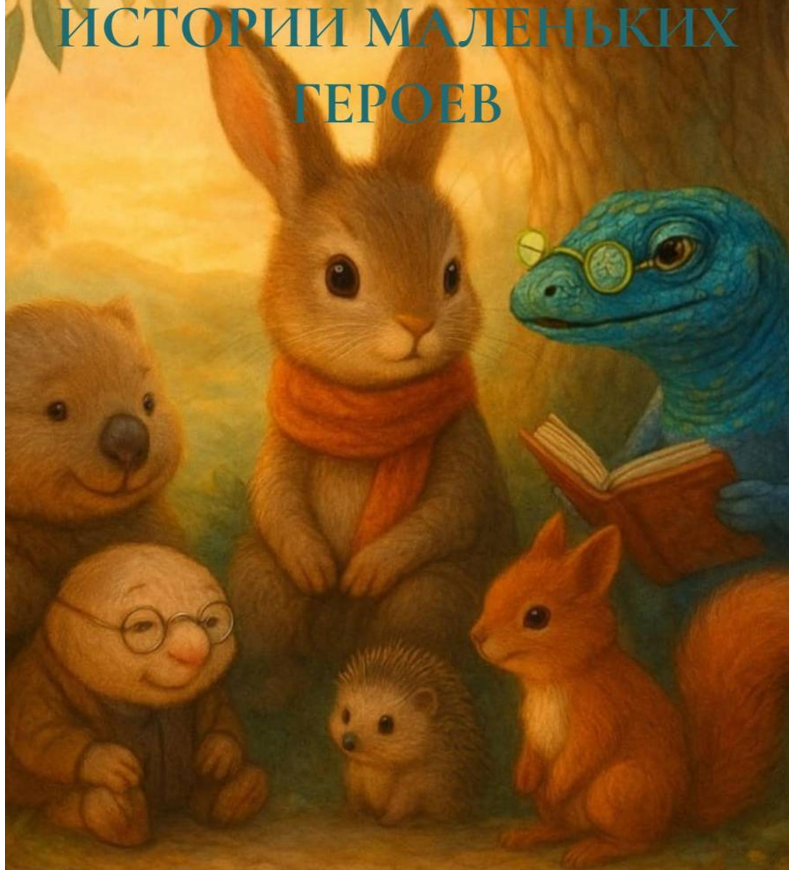

Инна Майорова
ВОМБАТ ГРАД,
ИСТОРИИ МАЛЕНЬКИХ
ГЕРОЕВ

Инна Майорова
ВОМБАТ ГРАД. ИСТОРИИ
МАЛЕНЬКИХ ГЕРОЕВ

<https://litres.ru/73581018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — не инструкция по воспитанию. Она — тёплый мостик между «как правильно» и «как на самом деле».

Торопыга учится ждать. Ворчун — улыбаться. Трусишка — рисковать. А тихий кролик слышит то, что другие не говорят.

Кролик Тим, белка Соня, вомбат Винсент и их друзья ссорятся, мирятся, строят мосты и пекут пиццу с кривыми краями. Более 20 сказок, которые родились не из учебников, а из живого материнства.

В каждой истории автор превращает сложные вещи (характер, эмоции, страхи) в понятный и тёплый сюжет. Без назиданий. С улыбкой.

Для детей, которые чувствуют глубже, чем могут сказать. И для родителей, которые ищут не волшебную таблетку, а живой разговор.

Содержание

Глава 1 Тот, кто слышит сердцем.	4
Глава 2 Плот для всех эмоций.	11
Глава 3 Маленькие секреты большой команды.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Инна Майорова

ВОМБАТ ГРАД. ИСТОРИИ МАЛЕНЬКИХ ГЕРОЕВ

Глава 1 Тот, кто слышит сердцем.

В уютном Вомбат-граде, где улицы выстланы мягким серебристым мхом, а по утрам воздух пропитан ароматом эвкалиптового чая из семейного кафе "Белый Кролик", жил кролик Тим – самый необычный житель этого дружелюбного городка.

Его длинные уши, похожие на два шелковистых опахала, всегда были чуть наклонены вперёд – будто он прислушивался не к словам, а к чему-то более важному: к шелесту листьев, журчанию ручья или даже к икающим звукам зимородка где-то вдали.

Тим не был похож на других, и это было заметно во всём: Его дом, аккуратный и небольшой, стоял чуть в стороне. Вместо ярких украшений на лужайке росли полезные травы – мята для успокоения, ромашка для чая и даже маленький кустик земляники, который он бережно укрывал от птиц.

Его привычки раздражали соседей: пока все играли в догонялки, Тим сидел под дубом, разбирая кору и находя под

ней удивительные вещи – узоры, похожие на звёзды, или спрятавшихся жучков.

Его молчание считали странным. Но если бы кто-то понаблюдал за ним внимательнее, то заметил бы, как светятся его глаза, когда он находит решение, и как ловко его лапки справляются с тем, что другим кажется сложным.

Да, Тим не кричал, не смеялся громко и не лез первым в драку.

Но именно он:

Помнил, что Соне нельзя орехи – у неё аллергия, и тихо подкладывал ей вместо них сушеные яблоки.

Знал, что Винсент боится грозы, и мастерил для него "шумопоглотители" из шишек.

Видел, что коала Кевин плохо видит буквы, и переписывал для него задания крупными печатными буквами.

Он не был похож на других:

Белка Соня болтала без остановки, а Тим молча собирал самые сладкие ягоды для всех.

Вомбатик Винсент обожал шумные игры, а Тим изобретал тихие качели, которые качались от ветра.

Коала Кевин смеялся: "Ты как тень — всегда один!"

Но когда:

У Сони сломался ее домик — Тим починил его, пока все спорили, "кто виноват".

Винсент потерял любимый мяч — Тим нашёл его в густой траве.

Но никто не замечал его доброты. До того дня, пока на окраине Вомбат-града не появился Чужестранец.

Это был испуганный вомбат-альбинос — весь белый, с розовыми глазками, будто призрак из сказок. Он дрожал от холода, хотя стояло лето и всё время прикрывал мордочку лапами.

Белка Соня запрыгнула на дерево: "Он как привидение! Это же ненормально — быть белым вомбатом!"

Вомбатик Винсент спрятался за спину Варана Альберта: "А вдруг он заразный?"

Коала Кевин просто фыркнул: "Опять этот Тим с его странными друзьями..."

Тим подошёл первым.

Он видел:

Следы на песке — Чужестранец шёл издалека, спотыкаясь Потрепанную сумку с резными деревянными фигурками Глаза, полные усталости — не страха, а именно усталости от чужих взглядов

— Тебе помочь? — Тим снял свой клетчатый шарф и протянул его. — У нас в кафе греют чай с мёдом...

Чужестранец оказался странствующим художником. В его сумке были: миниатюрные фигурки всех, кого он встречал, ножичек для резьбы — старый, но острый, кисти и краски.

А ещё — глухота от рождения. Поэтому он: не слышал насмешек, чувствовал вибрацию шагов, потому и испугался толпы, говорил руками — вырезал то, что не мог выразить

словами.

Чужестранец остался в городе на два дня — отдыхал в тени эвкалипта и потихоньку вырезал фигурки, наблюдая за жителями. Когда настало время уходить, он разложил на поляне целую семью деревянных фигурок — каждая со своим характером, а в центре стоял Тим с янтарным сердцем.

Все фигурки были из розового эвкалипта, пахли мёдом и терпением.

Если приглядеться, на основании каждой было выцарапано "Спасибо".

Вомбат Винсент с мячом, но с трещиной — символ его страха.

Белка Соня с разбитым орехом, её тайная неуверенность.

Кролик Тим — с прозрачным янтарем вместо сердца, чтобы светил в темноте.

Коала Кевин — сидел на ветке, но одна лапа крепко сжимала ствол, как будто боялся упасть, хотя никогда в этом не признавался. На спине у него была вырезана маленькая царапина — как намек на его тайные переживания.

Кенгурёнок Бунди — замер в прыжке, но вместо радости на мордочке было удивление. В сумке у него лежало зеркальце — символ того, что он часто повторял чужие слова, не задумываясь.

После истории с белым вомбатом многое изменилось... но не для Тима.

Белка Соня по-прежнему говорила: "Тим, ну почему ты

никогда не кричишь "ура", как Винсент? Это же так весело!"

Вомбатик Винсент дразнился: "Эй, Тимка-Молчун! Давай, скажи хоть слово!"

Коала Кевин втайне спрятал его морковку, хихикая: "Пусть попросит! Или так и будет молчать?"

Тим не стал спорить. Он нарисовал на песке грустную морковку с "?" — как будто спрашивал: "Почему нельзя просто быть собой?"

На занятии у варана Альберта дети учились описывать эмоции:

— Радость — это когда прыгаешь до неба! — кричал Винсент.

— Грусть — если хвостик как мокрая верёвка, — сказала Соня.

Тим молча подошёл к доске и нарисовал:

Солнце с тучкой — "Когда тебе хорошо, но никто не замечает"

Росток сквозь асфальт — "Когда веришь, даже если трудно"

Класс затих.

Даже Кевин перестал жевать листья.

Варан Альберт мудро кивнул и обвел класс взглядом:

"Видите, мои юные ученики? Сердце иногда говорит тише, чем рот. Чтобы понять друга, нужно:

Смотреть – как Тим смотрел на следы белого womбата

Думать – почему он рисует солнце с тучкой

Пробовать снова – ведь доброте, как чтению, учатся постепенно

Сегодня мы поняли рисунки Тима. Завтра научимся видеть грусть в опущенных ушках. Послезавтра – замечать, когда кому-то больно без слёз. Главное – не забывать повторять, как мы повторяем таблицу умножения."

Он достал цветные мелки и раздал всем:

"Давайте потренируемся прямо сейчас. Нарисуйте, что чувствует сейчас ваш сосед. А потом проверим – угадали?"

Утром Варан Альберт принес в класс "ящик тихих сообщений":

— Можно писать, рисовать, класть камешки/листки.

— Правило: раз в день все их разбирают вместе.

Соня положила записку: "Тим, прости за "болтовню". Хочешь, научусь молчать?"

С тех пор в Вомбат-граде появилась новая традиция.

Каждое утро, когда солнце только поднималось над эвкалиптами, Тим приходил к дубу на поляне. Он вешал на ветку доску для рисования и мелками писал:

"Сегодня я чувствую..."

И постепенно к нему стали присоединяться другие:

Винсент рисовал гнев в виде тучи, которая таяла на солнце

Соня изображала свою радость как взрыв конфетти

Даже Кевин однажды нарисовал маленького коалу на высокой ветке – и впервые признался, что боится высоты

А белый вомбат-художник, уходя, оставил на поляне "Скамейку тихих разговоров" – с вырезанными на спинке словами:

"Самые важные слова часто те, что не произносят вслух."

Когда вечером варан Альберт проходил мимо, он видел, как:

Тим и Винсент молча чинили домик для птиц, один держал гвозди, другой – молоток.

Кевин подкладывал Соне орешки без аллергенов.

А Бунди наконец-то нёс в сумке не зеркальце, а книжку сказок.

И тогда Альберт улыбнулся – ведь теперь весь город потихоньку учился говорить на языке Тима.

А на следующий день история повторялась. Потому что понимание – как росток сквозь камень: ему нужно время, солнце и много-много терпения.

Глава 2 Плот для всех эмоций.

Солнце только поднялось над Вомбат-градом, золотистыми лучами пробиваясь сквозь кружево эвкалиптовых листьев. Утренний туман, словно стыдливый зверёк, ещё прятался в ложбинках, а первые птички трели только начинали вышивать узоры.

Белка Соня, обычно просыпающаяся самой последней, сегодня открыла глаза с первыми лучами. Что-то щелкнуло в ее чутком сердечке, будто лесной орешек, упавший не на мягкий мох, а на звонкое стекло. Она потерла лапками сонные глазки и вдруг замерла — воздух сегодня пах не просто росой и мёдом, а чем-то... другим.

— Тим? — осторожно позвала она, заметив знакомые уши, торчащие из-за пня. — Ты почему такой... разноцветный?

— Тим, — осторожно тронула она кролика за плечо, — твои уши... они сегодня не розовые, а сине-зелёные.

Её голосок, обычно звонкий, потерялся в утренней тишине. А над ручьём... над ручьём висела странная дымка — не голубая, не серебристая, а точно такого сине-зелёного оттенка, как уши Тима.

— Э-это... — начала было Соня, но тут ветер донес запах — горький, как кора ивы. Запах грусти, которую нельзя спрятать, даже если очень стараться.

Тим молча развернул блокнот. На странице плескалось чернильное море, а в центре — маленький кролик на обломках плота.

— Ой, да это же... — начала Соня, но её перебил вомбат Винсент, ворвавшийся с грохотом:

— Все на выход! Сегодня же поход к Водопаду Шёпота!

Он замер, увидев рисунок. Его весёлые глазки вдруг покраснели по краям:

— Опять эти твои каляки-маляки! — рывкнул он, топая лапой. — Мы должны были выйти полчаса назад!

Ёжик Ерик, обычно такой колючий, вдруг съежился:

— Это я... я вчера сказал, что его плот никуда не годится... — прошептал он, и его иголки поникли от вины.

Только коала Кевин продолжал жевать лист, наблюдая за всеми с живым интересом:

— Эй, а если... — он вдруг оживился, — мы построим новый плот? Но не просто плот, а... корабль настроений!

— Корабль настроений? — хмыкнул Винсент.

— Да! — сказала Соня, её хвост закрутился вихрем радости. — Каждый принесёт то, что у него внутри!

Так началось волшебство.

Солнце уже стояло в зените, когда зверята приступили к работе.

Винсент с грохотом тащил кривые, но крепкие сучья, выкрикивая:

— Да кому вообще нужен этот Корабль настроений?! — и

тут же вколачивал их в основу так яростно, что искры летели.

Соня, кусая губу, сплетала лозу:

— А если мы перевернемся? А если... — её лапки дрожали, делая петли то слишком тугими, то слабыми.

— Дыши, — прошептал Тим и положил ей на плечо ракушку. Та заиграла тихую колыбельную — и пальцы Сони сами вывели идеальный узел.

Из надломленной ветки эвкалипта сочилась прозрачная смола, медленно скатываясь в деревянное корытце — капля за каплей. Ерик сидел неподвижно, собирая ее.

— Это же... как слёзы дерева, — прошептала Соня, осторожно прикасаясь к капле.

— Нет, — покачал головой Тим, — это слёзы ёжика. Только он их прячет в иголках.

— Зато теперь склеит новый плот, — хмыкнул Кевин

Кевин, забыв о баловстве, увлеченно примерял листья:

— Этот слишком колючий, этот пахнет скукой... О! — Он сорвал золотистый эвкалиптовый лист. — Вот он — пахнет приключениями!

Кролик Тим молча раскладывал ракушки по носу плота. Когда Винсент спросил "зачем", он повертел одну в лапках — и та заиграла мелодию ветра.

После долгих часов совместного труда, необычный плот наконец коснулся воды.

Поначалу плот лишь робко покачивался у берега, будто не веря, что может держаться на плаву.

— Неужели... получилось? — прошептала Соня, сжимая в дрожащих лапках остатки лозы.

В этот момент первая волна ласково подхватила плот и он плавно заскользил по зеркальной глади.

— У-у-ух ты! — крикнул Винсент, в последний момент ухватившись за мачту, когда плот дернулся. Он задрожал от восторга. — Да мы же... мы же гении! — И тут же, покраснев, добавил: — Ну, Тим, конечно, молодец...

Соня закрыла глаза, когда плот отплыл, и вдруг... рассмеялась. Ее смех зазвенел, как колокольчики:

— Ой, а ведь он действительно держится! Я думала, моя тревожная лоза всё испортит...

Ежик Ерик молча ткнул лапой в смоляные швы, проверяя крепость. Потом неожиданно ущипнул себя за иголку:

— Ой! Значит, не сплю...

Кевин вдруг вскочил на нос плота и закричал:

— Эй, ручей! Смотри, кто к тебе в гости приплыл! — И тут же поскользнулся и кувыркнулся.

Тим не сказал ни слова. Просто прижал лапки к груди и глубоко вдохнул. Но его уши, ещё утром поникшие, теперь радостно подрагивали, а в уголках глаз сверкали золотистые искорки.

И вдруг ракушки Тима зашевелились, словно живые, и мягко зазвенели, подхваченные легким ветерком. Звук был настолько нежным, что даже Винсент замер, широко раскрыв глаза.

"Это же..." - прошептала Соня, прижимая лапки к груди.

Вдруг одна из ракушек упала в воду. Но вместо того, чтобы утонуть, она засверкала и превратилась в серебряную нотку, которая затанцевала на поверхности.

"Они... поют!" - воскликнул Ерик, и его колючки неожиданно разгладились от удивления.

Одна за другой ракушки срывались с плота, превращаясь в музыкальные волны. Грусть Тима, такая тяжёлая ещё мину-ту назад, теперь качалась на воде легкими переливами, смешиваясь с громкими барабанными ударами (гнев Винсента), с тревожным, но красивым перебором струн (Сонины переживания), с глубокими виолончельными нотами (вина Ерика), с весёлым пересвистом флейты (интерес Кевина)

Кевин первый начал притопывать в такт, а скоро все произвольно закивали головами под эту странную, но такую родную мелодию.

"Так вот что значит..." - начал Винсент, но Тим уже показывал новый рисунок: где каждая эмоция стала своим инструментом в оркестре.

Соня осторожно подняла одну оставшуюся ракушку к уху - и её глаза округлились:

"Она... она играет нашу песню! Ту самую, что мы только что..."

"Это музыка нашего плавания," - тихо закончил за неё Тим, впервые за день заговорив вслух.

Вода вокруг плота светилась всеми цветами радуги, отра-

жая их удивленные мордочки. Даже Винсент не смог сдержать улыбки.

Плот мирно покачивался на волнах, когда тёмная туча накрыла солнце.

— Это же... не просто дождь, — прошептала Соня, цепляясь за мачту. Капли звенели, как разбитое стекло, а ветер выл.

— Остров! — вдруг крикнул Кевин. — Там... светятся огни!

Плот неожиданно прибило к таинственному острову, где деревья росли кривыми — будто склонились под тяжестью чьей-то вины, воздух пах пережаренными орехами, так пахнет застарелый гнев.

— Фу, какое противное место! — сморщился Винсент, но тут же замолчал — его слова повисли в воздухе.

— Здесь... нельзя врать, — сказал Тим, увидев на берегу камень с надписью. Надпись на камне гласила: "Только правда играет здесь музыку".

Но когда они причалили, оказалось — это не огни, а Остров забытых мелодий.

У входа на остров стояли каменные врата с вырезанными нотами. Когда ветер касался их, камни начинали петь тонкими, дрожащими голосами:

«Сиди тихо...», «Не прыгай, упадешь!»

— Это же... голоса наших взрослых, — догадалась Соня. — Те самые слова, что запрещали нам шуметь.

Деревья скрипели обидами («Меня не оценили...»).

Даже ручей бормотал: «Я недостаточно хорош...»

— Здесь живут эмоции, которым не дали голоса, — догадался Тим, поднимая ракушку-подсказку.

Винсент увидел Пещеру Гнева и вошел в нее.

Стены кричали его же словами:

«Да как ты мог?!», «Я тебя **НЕНАВИЖУ!**»

— Это... я? — Винсент задрожал.

Он взял молоток, который лежал у входа и выковал из криков колокол. Теперь его гнев звал друзей на помощь, а не отталкивал.

Белка Соня у самого входа в Пещеру Гнева повернула направо и вошла в Зеркальный зал.

Бесконечные отражения шептали:

«А вдруг они смеются надо мной?», «Я скажу глупость...»

Она разбила одно зеркало — и все тревоги сложились в мозаику с надписью: «Твой голос важен».

Ежик Ерик свернул налево и вошел в Тронный зал Пещеры.

На троне сидел... он сам, но в короне из шипов.

«Ты всех ранил», — гудели стены.

Он снял корону и сплел из неё мостик через озеро слез.

Коала Кевин увидел в Пещере Пустую сцену

«Где же мои зрители?!» — закричал он в отчаянии.

Тим подал ему последнюю ракушку — та заиграла, и тени стали аплодировать.

Когда испытания закончились:

Каменные врата с вырезанными нотами запели новую песню — про смелость. Деревья распрямылись, сбросив ко-ру-броню. Даже ручей засмеялся: «Я — прекрасен!»

— Теперь он Остров найденных голосов, — написал Тим в блокноте.

Когда они отплывали, остров растворился в тумане... но:

Винсент теперь считал до десяти, прежде чем кричать.

Соня носила браслет из лесных ягод (напоминание: "Тревога — не прогноз").

Ерик специально ломал одну колючку в день — для новых мостиков.

Кевин пел — даже если фальшивил.

А Тим... Тим нарисовал карту с надписью:

"Остров внутри нас. Возвращайтесь, когда забудете язык своих эмоций".

Глава 3 Маленькие секреты большой команды.

Утро в Вомбат-граде начиналось как волшебство - такое же естественное и необходимое, как дыхание. Солнце, словно заботливый воспитатель, ласково гладило крыши домиков, а по веткам эвкалиптов скакали весёлые капли росы, будто маленькие игроки в догонялки. Ведь что такое детство, если не вечная игра? Так же, как ручейки учат камни быть гладкими, а ветер - деревья быть гибкими, игра учит детей самому главному - понимать друг друга.

Накануне вечером друзья сидели на ступеньках веранды у дома коалы Кевина, горячо обсуждая правила новой игры. Вомбат Винсент, всегда уверенный в своей правоте, настаивал на сложных условиях. Кенгурёнок Бунди путался в объяснениях, а ёжик Ерик и вовсе хотел отказаться от участия. Белка Соня, обычно такая весёлая, на этот раз беспокойно теребила хвостик — её младший кузен Зиппи никак не мог запомнить правила. Только кролик Тим молча наблюдал за спором, изредка делая заметки в своём блокноте. Коала Кевин, глядя, как разгорается спор, твердо решил — завтра всё должно измениться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.